

«М з забывших меня можно составить го-род», — сказал Бродский. Из постоянно по-нящих Стивена Кинга можно составить приличное государство или по меньшей мере крупный штат: суммарный тираж его книг давно перевалил за пятьдесят миллионов.

Это была бы ничего себе страна. В ней бы правил Степан Король, как наверняка дразнили бы Кинга в советской школе, — Стивен Ужасный. По улицам бегали бы привидения. Телефоны работали бы по-кинговски: набрал не тот номер — попал к самому себе на десять лет младше. В районе под названием Крауч-Энд мальчик с клешней вечно дергал бы за косичку девочку с крысиными глазами, и они со страшной скоростью вели бы такой диалог: «Потеряла мужа. — Встретила Звездного Дудочника. — Пожирателя измерений. — Козла с Тысячью Молодых».

Джонни Смит в двоящейся маске — доктор Джекилл и мистер Хайд — искал бы выход из Мертвой зоны своего сознания. Красивая девочка Чарли Макги воспламеняла бы взглядом некресивую девочку Керри, а та закидывала бы обидчицу шкалом камней и лягушек... Российские издатели, не довольствуясь тринадцатитомником, с редкой оперативностью перепечатывают все кинговские новинки, но за автором, пекущим в год по шедевр, им не угнаться. Кинг по праву считается популярнейшим писателем мира, и это хороший знак: он делает Большую Литературу, тщательно облакаемую в форму классического триллера. Никто лучше Кинга не нащупал пока компромисс между читабельностью и серьезной, притчевой прозой. Несмотря на тиражи и славу, постоянный читатель — собеседник Кинга — личность вполне определенная. И погреться с этим читателем Кинг всегда рад: он дает интервью часто и охотно. С его любезного разрешения я предлагаю отечественным кинголюбам компиляцию из этих интервью и автобиографических заметок нашего кумира, только что разразившегося новым бестселлером — романо-м «Бессонница».

БЕССОННИЦА СТИВЕНА КИНГА

Стивен (по-русски Степан) Кинг (по-русски Король). Романист, новеллист, драматург. Родился 21 сентября (знак Зодиака — Дева) 1947 года. Отец — морской офицер, пропал без вести восемь лет спустя. Кинг окончил Мэнский университет (факультет английской филологии). Преподавал, затем сменил несколько профессий, вплоть до ночного сторожа автостоянки. Пишет с 1966, печатается с 1969 года. Первый роман, опубликованный и принесший успех, — «Кэрри». Всего вышло двадцать четыре романа (включая фантастическую сагу «Черная башня»), пять сборников рассказов, около десятка сценариев. Как актер снялся в двух фильмах по собственным произведениям. Самый богатый и издающийся писатель мира, носит титул «король ужаса». Хобби: игра на гитаре, бейсбол. Живет в Бангоре, штат Мэн, периодически меняя адрес.

— У вас как у мастера «черной притчи» естественно спросить: существует ли судьба, предопределение, возмездие и все в таком духе?

— Смысл жизни каждый выдумывает сам. И этот процесс — в общем, необходимый нормальному человеку — не обходится без поиска закономерностей, какой-то надежной константы. Поисками смысла особенно озабочены слишком везучие или слишком невезучие. Кому-то легче думать, что он заболел, потому что плохо себя вел (или, наоборот, был слишком хорош, если вы невысокого мнения о мире и его законах). Кому-то легче считать себя святым, подсчитывая доходы, — заметьте, подсчитывая их в мире, где люди менее достойные голодают, тоскуют, болеют, заражаются и палят друг в друга почему зря. Но здоровый внутренний голос всегда нащупывает, что все это одна большая лотерея, всеобщее «Колесо Фортуны», — кстати, оно не зря так часто крутится в моих ранних романах. Не спорю, это может вогнать в депрессию — сознание абсолютной случайности своего жребия и неповторимости каждого поворота судьбы. Может быть, поэтому я иногда пытаюсь дважды проиграть ту или иную ситуацию, иначе развить старую тему — вернувшись, например, к сюжетной схеме Заколдованного Места и по следам «Детей Кукурузы» написать «Сезон дождей». Иногда меня интересует, насколько моя судьба уже неразрывна со мной, могу ли я сбросить маску Стива Кинга, о котором издатель самозабвенно трубит: «30 миллионов экземпляров во всем мире!!!» Тогда появляется псевдоним. Например, Ричард Бахман, под чьим именем я выпустил четыре ранних романа. Пятый, «Худеющий», был написан специально для него и продан в количестве 28 тысяч экземпляров. Я понял, что меня читают не только за имя.

— А как раскрыли Бахмана?
— Вообще говоря, я его придумал, чтобы под этим именем выпустить «Мизери» — одну из своих любимых книг, принципиально новую для меня. Сложный роман — там я немного поквитался с типичными поглотителями чтива и пописью. Однако Бахману пришлось умереть от опухоли мозга сразу после того, как один дотошный издатель раскопал мой копирайт через библиотеку конгресса. После Бахмана осталась незаконченная «Темная половина», которую я за него доработал, и пара недурных рассказов в духе «черного детектива».

— Считается, что вы прячетесь за псевдонимами, потому что переполнили рынок.

— Я не думаю, что переполнил его. Мои издатели, предлагающие мне поработать в другом жанре или под чужим именем, напоминают мне фригидную жену, отправляющую мужа к девке. Да, я написал много — вышел двадцать четвертый роман, издано пять сборников повестей и рассказов, — и такое многописание стало частью имиджа, но

что поделаешь, сюжеты продолжают приходиться. Я их не записываю — запоминаю. Чаще всего они являются во время одиноких прогулок — возвращение из магазина или поиск нужного адреса в незнакомом городе; хорошо думается под душем или на вечеринке, где все про вас забыли, а вы стоите себе с бокалом и рассеянно глядите на танцующих. Думаю, что многие сюжеты были свособразной мезью судьбе или конкретному лицу, попыткой переиграть ситуацию в свою пользу при помощи сверхъестественных сил. К чему-то подталкивают новые реалии — например, очередной пароксизм пуританства, который Америка переживает примерно раз в 75 лет. До этого был «сухой закон», теперь — борьба с курением и абортами.

— О борьбе с курением у вас целых два «кошмара» — «Корпорация «Бросайте курить» и «Люди десятого часа»...

— Людьюми десятого часа я называю тех, кто выбегает курить в обеденный перерыв: в большинстве госучреждений курение запрещено. В более широком смысле это люди промежутка, люди неокончательного выбора, которые не могут совсем бросить курить и вместе с тем не дымят как сумасшедшие. Я сам человек десятого часа в том смысле, что мне чужды твердые решения и любой фанатизм, я не люблю тех, кто явно за и явно против, и вообще люди моего типа всегда меньше знают о целях, нежели о средствах. Я за свободный выбор — даже религия в моем представлении есть прежде всего своего рода воли. С этой же меркой я подхожу и к проблеме, например, абортов, на которых помешалась значительная часть населения. Эта проблема стала основой некоторых коллизий «Бессонницы».

— Вы интенсивно работаете?

— Я работаю по два часа в день, пишу ежедневно шесть страниц на своем старом текст-процессоре, зато уж этот ежедневный урок выполняю без выходных и отпусков. Даже когда наш первый сын упал с лестницы и чуть не сломал себе руку — сразу после ухода врача я отсутствовал положенное количество знаков. Это давно превратилось в потребность. Бывали времена, когда я увлекался настоящей работой: «Бегущий» написан за 72 часа и правке не подвергался. Я пишу не для денег — будь это так, я давно бросил бы литературу, ибо дети мои — дочь и два сына — уже обеспечены, даром что и сами кое-что хорошо умеют, а младший (он родился в 1977 году) сочиняет приличные истории. Мне хорошо платят за дело, которое мне нравится. Не думаю, что это вызывает восторг у людей, зарабатывающих тасканием тяжелых или существующих на пособие по безработице. Я, честно говоря, и не рассчитываю на их симпатию, потому что никогда не избавляюсь от чувства смутной вины перед ними. Я и сам преподавал, работал сторожем, мне возвращали рукописи, и вообще я никогда

не предполагал, что буду получать деньги за рассказывание историй — единственное, что как следует умею.

— Что такое в вашем представлении хорошая история?

— Книга не должна стараться выглядеть лучше, чем она есть. Не нужно ничего лишнего — избыточных подтекстов, усложненных психологических мотивировок... Все свои книги я условно подразделяю на те, в которых мне важнее смысл, герой, — и на те, где история служит самоцелью. К последним относятся книги Бахмана. К первым — «Мертвая зона», «Воспламеняющая взглядом», «Кладбище домашних животных», «Мизери», «Бессонница»... Несколькими меньше я люблю «Кристинну», зато уж никто из критиков не убедит меня, что плох «Куджо», — что бы о нем ни писали, я люблю эту вещь. Сюжет лучше всего разработан в «Мертвой зоне», а лучший сборник моих повестей — это, по-моему, «Времена года». Там вообще очень мало фэнтези. Меня вечно раздражает дежурный вопрос: «Когда ты наконец напишешь что-то серьезное?!» Думая о критике, я от души радуюсь, что до сих пор никого не убил. Приемлем, по-моему, только один упрек: все мои главные герои похожи на меня и друг на друга. Это так: я сублимирую в основном собственные страхи. Зато никто не скажет, что этому герою больше всех везет: я не лышу себя счастливыми финалами.

— Вы часто попадали в точку с предсказаниями и прогнозами, получают просто пугающие совпадения. Достаточно вспомнить Грегга Стиллсона из «Мертвой зоны» — этот жуткий тип фашиствующего полуписта — или убийцу-клоуна из романа «Оно». А с «Бессонницей» вышло страшнее всего — там действует Сьюзан Дей по кличке «Детубийца», ревущая толпа обвиняет ее в убийстве невинных младенцев (она требует разрешения абортов для всех желающих). Едва роман вышел, как Америку потрясла история Сьюзан Смит. Та же ревущая толпа кричала ей те же слова...

— Да, о таком попадании я думал меньше всего, и сам, признаться, напуган. Что делать, писатель становится заложником своей темы. Современный роман ужасов отличается от готической прозы тем, что конфликт переносится в область психики, загоняется вглубь. Мы имеем дело не с привидениями из подвала, а с призраками из подсознания. Поэтому предсказание будущего, «свечение», телепатия — один из моих устойчивых сюжетных блоков. (Мои дети, например, всегда предсказывали будущее. Когда я начинал писать «Светящегося» и уезжал за материалом в турне по гостиницам своего штата, моя жена собирала сына: «Куда собирается папа?». «Он собирается стать Стивеном Кингом», — ответил сын, и «Светящийся» действительно сделал мне имя.) Моя мать говорит, что мои подсознательные предсказания — это попытка об-

вести себя магическим кругом: написать, чтобы это не случилось. Вот почему «Кладбище домашних животных» писалось с таким трудом: я всячески пытался абстрагироваться от героя, чтобы не накликал беды на жену и детей.

— К вопросу о любви: кто ваша жена?

— В своей жизни я предпринял только один сознательный шаг: 25 лет назад я попросил Табиту Спрюз стать моей женой. Я ее очень любил, видите ли. Мы познакомились в библиотеке Мэнского университета и поженились два года спустя. Я с самого начала знал, что так оно и будет, — парадокс в том, что на самом деле любовь остается самой непредсказуемой и таинственной вещью на свете. Во всем остальном я полагаюсь на судьбу и на внутренний голос, так что чаще всего затрудняюсь объяснить, почему поступил так или эдак. Внутренний голос диктует мне мои книги — я мало знаю о том Стивене Кинге, который сидит за письменным столом или принимает решения.

— В вашем рассказе «Знаете, они классно играют» содержится весьма мрачные догадки о природе рок-культуры...

— Я люблю рок и вырос на нем, но судьбы лучших рок-музыкантов поневоле наводят на мрачные догадки. В этом рассказе описан «Рок-н-ролл-рай»: город, где живут мертвые рок-идолы, весь досут которых заполнен наркотиками, пьянкой и бесконечным концертом для случайных жертв, попавших в эту лесную ловушку. Наверное, в основе настоящего рока лежит саморазрушение и стремление к гибели. Эта музыка прекрасно звучит, но жить в таком городе невыносимо.

— Каковы основные сюжетные архетипы литературы ужасов? Что вообще пугает?

— Пугает любое отклонение от нормы, и чем оно ничтожнее, чем скрупулезной соблюдена дозировка ненормального в нормальном, — тем страшней. В «Бессоннице» страшное начинается, когда герой обнаруживает, что зашел по знакомой дороге непривычно далеко и начинается гроза, а рядом, вот странное, никого нет. Все происходящее сразу приобретает ирреальный оттенок. В любом доме самое страшное место — чердак. Я предпочитаю ничего не объяснять читателю, ибо большинство ужасов нашей обывденной жизни, как правило, необъяснимо. С ними сталкиваясь, как с данностью. Важно не то, откуда это взялось, а то, как ты себя с этим поведешь. Вот почему я люблю рассказы «Палец» или «Плот». Хороший присем — непонятная на первый взгляд, абсурдная фраза, внезапно залетевшая в обывденный контекст как посланница из будущего, где ЧТО-ТО уже произошло, но мы еще ничего не знаем. Будущее сигнализирует, оно подает знаки. В это я верю, как верю в таинственные связи между людьми одного типа, одной группы крови, если угодно.

И, конечно, я против натурализма. Ни к чему пугать грубыми, животными ужасами. Надо подойти к читателю, нежно взорвать за руку и сказать: «Пойдем-ка, дорогой, я покажу тебе кое-что...» И пошли себе, неспешно беседуя. Приводим читателя в глухое место. Показываем ЭТО. Он визжит и умоляет сквозь визг: «Пожалуйста, пойдем отсюда». Нет уж, брат, теперь потерпи страничку пять...

— У вас почти нет ужасов, связанных с сексом...

— В сексе нет ничего особенно ужасного. Вот в беременности — есть, это тайна, об этом у меня написана повесть «Метод дыхания», где эффект страшного — при минимальном фантастическом допущении — заключается в соотношении самой истории и ее довольно таинственного, слабо мотивированного обрамления. Там содержится моя любимая мысль, девиз этой повести: рассказчик важнее рассказа.

— В этом году исполняется 20 лет вашей литературной деятельности...

— На самом деле больше. Свой первый роман, который теперь называется «Ярость», я начал писать в 1966 году, перед колледжем, и закончил в 1971. Первый гонорар за рассказ я получил в шестьдесят девятом. До «Кэрри» я написал четыре романа — два очень плохих, один ничего, а один просто хороший. Мне самому иногда жутко подумать, что я пишу уже почти тридцать лет.

— Как писатель вы меняетесь?

— Думаю, да... меня интересуют все более мрачные вещи. Природа времени, например. Возможно, страх перед старостью (вот почему герою «Бессонницы», моему новому протагонисту, уже под семьдесят, и он постоянно думает о том, как утомительно и унижительно в старости все то, что было так легко прежде). По-прежнему меня пугают любые фанатичные Борцы За Права — неважно, за что они борются: я сторонюсь проповедников и демонстрантов. Может быть, романы становятся метафизичнее — в «Бессоннице» действуют Парки, богини судьбы. Это вообще новый для меня тип романа, я пока люблю эту книгу и от души рекомендую ее читать во время бессонницы. Точно не заснете, хе-хе.

— Вы верите в то, о чем пишете?

— Безусловно. Мистика и впрямь помогает многим догадаться: чудеса не так нереальны, как кажется. В подсознании всегда кто-то гнездится. На чердаке всегда кто-нибудь есть.

Скомпилировал Дмитрий БЫКОВ.

Кинг Стивен

